

Петербургский пацифист М. М. Ковалевский

А. Х. Матиева

В истории России на стыке XIX–XX веков немало выдающихся ученых, ярко проявивших себя и в общественно-политической деятельности. Таким был Максим Максимович Ковалевский (1851–1916), видный историк, юрист, социолог, этнограф и публицист. Вернувшись из политической эмиграции в Россию в начале XX века, он поселился в Петербурге, а окунувшись в политическую жизнь, стал популярным государственным деятелем либерального толка. Но в наши дни хочется вспомнить о нем, как о деятельном противнике войн.

Одна из работ Максима Максимовича «Современные социологи» начинается словами: «Живя частью во Франции, частью в Италии и посещая по временам Англию, Соединенные Штаты Америки и немецкие страны...». Здесь отражены география и образ жизни ученого. Его ученик – впоследствии выдающийся ученый-экономист Н. Д. Кондратьев (1892–1938) писал, что Ковалевский в рассказах о зарубежных скитаниях обнаруживал «удивительную ориентировку во всем цивилизованном мире, как будто весь этот мир был для него родиной»¹.

Ковалевский и был «гражданином мира». Мир в мире был его заботой. Его избрали в свои члены многие зарубежные научные и иные общества. Международный авторитет правоведа Ковалевского в научных и государственных сферах был таков, что Англия пригласила его третейским судьей в своем конфликте с США².

Роль Ковалевского в установлении взаимопонимания России и Запада к началу XX века чрезвычайно велика. В. Сперанский писал: «...Ковалевский стал последнее десятилетие своей жизни морально уполномоченным представителем западноевропейской гражданственности на отечественной земле»³.

М. М. Ковалевский

Последние 20 лет жизни Ковалевского пришлось на сложное время. Оно было кризисным не только для России. Мировая история изобиловала вооруженными конфликтами и войнами, приведшими, в конечном счете, к Первой мировой войне и гибели миллионов людей. А за войной последовали революционные взрывы в ряде стран Европы и Азии, основные социальные, политические и межгосударственные изме-

нения, в том числе изменение государственных границ на разных континентах⁴.

Либерал Максим Ковалевский считал антивоенную деятельность одной из главных для человечества. Часть своей публицистики в России Ковалевский посвятил предупреждению войн.

Ковалевский показывал, что современные вооруженные конфликты порождаются не династическими причинами, а сугубо эконо-

мическими, только экономические интересы стран влияют на вхождение их в те или иные военно-политические союзы (например, Антанту). Ярый поборник гражданского и международного права, он искренне верил, что общественность, приверженная пацифизму, сможет удержать свои правительства от военных авантюр.

Ковалевский считал, что для предотвращения войн необходимо учреждать во всех странах антивоенные организации, способные оказывать влияние на политику своих правительств, склоняя их к разрешению разногласий в международных отношениях с позиций права, а не силы. И сам попробовал подать в том пример, став одним из основателей и председателем Петербургского отделения пацифистского общества «Мир», учрежденного 13 июня 1909 года. В статье «Мир» (1909) Ковалевский писал о своих надеждах на это общество⁵.

Он рассчитывал, что эта организация сможет позитивно повлиять на внешнюю политику России. Коллегами его по обществу стали многие либерально настроенные интеллигенты столицы – историки, правоведы, литераторы, журналисты, дипломаты, университетские преподаватели. Чаще всего члены «Мира» собирались на квартире Ковалевского в доме 32 по Моховой улице.

Пацифисты – единомышленники Ковалевского – одной из своих задач считали сбор и сообщение сведений по проблеме войны и мира. На заседаниях они регулярно обсуждали назревавшие или уже возникшие острые ситуации в мировой политике. В обществе занимались и изучением на научном уровне, обсуждением, разработкой и распространением – в печати и публичных лекциях – основ международного права, понятий о международном мире, третейском суде и международных конференциях. Пацифисты устроили – и постоянно пополняли – библиотеку литературы по тематике своей деятельности. Был у них и справочный архив⁶.

На собраниях они слушали, к примеру, такие доклады: «О Гаагской международной конференции 1913 г.» (И. Н. Ефремов), «Панамериканизм» (Г. С. Саркисов), «Иностранная политика Северо-

американских Соединенных Штатов» (Б. Е. Шацкий), «Анкета Международного совета женщин» (А. Н. Шабанов), «Гигиена и вооружения» (М. Г. Штейнберг) и другие⁷.

Правда, пацифистом Ковалевский был непоследовательным. Начало первой балканской войны в 1912 году вызвало его статью «Освободительное движение на Балканах». И автор ее выступал не как пацифист, а как сторонник славянской стороны. Болгария, Греция, Сербия и Черногория выступили тогда против Турции. Ковалевский призывал русское общество поддержать союзников в их защите православного населения Балканского полуострова от религиозных гонений со стороны турецких властей⁸. Автора беспокоило сохранение единства союзников и укрепление их государственности.

Лишь позже, когда Румыния выступила вместе с Турцией против Болгарии, он стал порицать войну на Балканах. Ковалевский в своей статье «Судьба Балкан» призывал народы этого региона прекратить войну и решать все территориальные проблемы с позиций международного права⁹.

Первая мировая война показала всю несостоятельность этих надежд. Бывшие пацифисты по обе стороны театра военных действий поддержали воинственные устремления своих правительств.

Иллюзии Ковалевского рухнули самым трагическим образом, когда волею судьбы в августе 1914 года он оказался на лечении в Карлсбаде и попал в плен к австрийцам. Они держали его заложником¹⁰. Его освобождение оказалось делом непростым. За него просили русские дипломаты, видные общественные деятели Италии, за поддержкой обращались к испанскому королю¹¹, президенту США Вудро Вильсону и даже к папе римскому, но только через 7 месяцев, в феврале 1915 года, Ковалевского удалось освободить из плена.

По возвращении в Россию он возобновил разностороннюю деятельность. Активный поборник международного права и пацифист, Ковалевский, переживший унижения интернирования в Германии, разделил настроения, захватившие в начале Первой миро-

вой все российское общество. Как все либералы России, он оправдывал «освободительные» усилия стран Антанты против «милитаристских» устремлений Германии с ее союзниками, о чем обстоятельно писал в своей работе «Национальный вопрос и империализм»¹².

Он вполне патриотично считал, что война ставит под угрозу дальнейшее существование самой нации, что «народ должен охранять наследие своих предков, поскольку он выступает в роли не нападающего, а обороняющегося»¹³. Понимая всю чудовищность этой войны, Ковалевский, тем не менее, указывал, что «она будет во многих отношениях полезна для России, – это как неожиданный удар хлыста, заставивший выйти из обычной косности, всколыхнувший природную апатию»¹⁴. Оценивал он ее не с точки зрения возможных военных и стратегических успехов, а с точки зрения будущей мирной культурной работы. «Мы будем ей обязаны, – писал ученый-публицист, – реорганизацией нашей национальной промышленности, будут утилизированы материальные силы и инициативы, существования которых мы, казалось, не подозревали; последует, я убежден, преобразование в нашей администрации, а главное, моральное возрождение народа, слишком долго бывшего в рабстве у алкоголя. Мы значительно лучше узнаем Францию и теснее сблизимся с Англией. Быть может, война приведет нас к более рациональному конституционному режиму, именно такому, каким он был намечен в Императорском Манифесте от 17 октября 1905»¹⁵. Увы, в политических прогнозах он оставался утопистом.

Все же после провала основной антивоенной цели общества «Мир» оказалось, что в условиях войны его гуманитарная деятельность может быть практически полезной. М. М. Ковалевский и сам участвовал, например, в поисках пропавших без вести военнопленных. С одним подобным делом связано письмо дочери Л. Н. Толстого – Т. Л. Сухотиной с просьбой к Максиму Максимовичу оказать содействие в освобождении нескольких немецких военнопленных. Письмо это есть в архивном наследии Ковалевского в Петербургском филиале

Архива Российской академии наук¹⁶.

Прозрение его наступило поздно. Лишь за месяц до смерти Ковалевский сказал Н. Д. Кондратьеву: «Все почему-то верят, что после войны начнется всеобщий расцвет. Пусть верят. Но я не вижу оснований для этого»¹⁷. Вот эту последнюю правоту ученого подтвердили послевоенные события в России и мире.

Пережитый стресс и общая нагрузка ослабленного болезнями М. М. Ковалевского привели его к смерти 23 марта 1916 года. Похоронен он на Никольском кладбище Александро-Невской лавры на 5-й дорожке. На гранитной стеле над его могилой — эпитафия: «Борцу за свободу, равенство и прогресс». Остается пожалеть, что в Петербурге нет ни одной мемориальной доски памяти этого достойного человека.

Всю сознательную жизнь М. М. Ковалевский старался нести людям мир и добро. Из его разнообразной творческой деятельности здесь упомянута лишь пацифистская. Пример подобных ему пацифистов прошлого учит предупреждать военные конфликты реальными средствами, в том числе хорошо организованной международной солидарностью и дипломатией.

Однако новым защитникам мира, наделенным политической волей и заботой о человеестве, понадобятся еще и увлеченность, решительность, профессиональные знания правоведа-международника и талант пропагандиста, которыми

Памятник на могиле М. М. Ковалевского

обладал петербургский ученый и государственный деятель М. М. Ковалевский. И пусть вместе они смо-

гут то, что не удалось Максиму Максимовичу и его товарищам по пацифистскому движению XX века.

¹ Кондратьев Н. Д. М. М. Ковалевский как учитель // Вестн. Европы. 1916. № 5. С. 184.

² Ивановский И. А. М. М. Ковалевский // Журнал М-ва нар. просвещения. 1916. № 12. С. 123.

³ Ковалевский Е. П. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям // М. М. Ковалевский — ученый, государственный, общественный деятель и гражданин: Сб. ст. Пг., 1917. С. 35.

⁴ Англо-бурская война 1899—1902 гг.; Русско-японская война 1904—1905; Балканская война начала 1910-х годов; Агадирский конфликт 1911 года в Марокко; Итало-турецкая война 1911—1912 гг. и др.

⁵ Ковалевский М. М. Мир // Запросы жизни. 1909. № 11. С. 4.

⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской АН (далее ПФА РАН). Ф. 103. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 36, 37. Ковалевский М. М. По деятельности в С.-Петербургском отделении «Общества “Мир”».

⁷ Там же. Л. 54, 55.

⁸ Ковалевский М. М. Освободительное движение на Балканах // Вестн. Европы. 1912. Кн. 11. С. 325—326.

⁹ Ковалевский М. М. Судьбы Балкан // Вестн. Европы. 1913. Кн. 1. С. 197—223.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10024. Л. 82, 83.

¹¹ РНБ. Отд. рукописей. Ф. 270. Дьяконов М. А. Ед. хр. 5. Л. 1. Текст телеграммы королю Испании Альфонсу XIII с просьбой о содействии выезду М. М. Ковалевского из Австрии за подписью 42 профессоров и академиков России.

¹² Ковалевский М. М. Национальный вопрос и империализм. Отгиск. С. 549—561.

¹³ ПФА РАН. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 475. Ковалевский М. М. Л. Н. Толстой: (Вступит. речь на заседании). Л. 1. (Не опубликовано).

¹⁴ Ковалевский Е. П. Указ. соч. С. 39.

¹⁵ Там же. С. 40.

¹⁶ ПФА РАН. Ф. 103. Оп. 2. Д. 227. Письмо Сухотиной Т. — М.М. Ковалевскому от 19.03.1915 из Ясной Поляны. Л. 2.

¹⁷ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 187.